

Русская психология и психология и психиатрия в Италии во второй половине XX века¹

Лучано Мекаччи

Мекаччи Л. Русская психология и психология и психиатрия в Италии во второй половине XX века // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна», 2012, № 3, с. 73-80. Электронная версия //
<http://www.psyanima.ru/journal/2012/3/2012n3a4/2012n3a4.1.pdf>

Статья, в которой представлена транснациональная история психологии и психиатрии в Италии и Советском Союзе во второй половине 20 века. Автор обсуждает основные вехи в науке и общественной жизни этих двух стран и показывает историю международной миграции научных идей и теорий в контексте сложнейших социально-политических процессов. Научные достижения в области психологии и смежных наук были «импортированы» из Советского Союза в Италию итальянскими политическими активистами левого толка, что предопределяло содержание тех научных теорий, которые были избирательно представлены на итальянском языке. Таким образом, наиболее популярными советскими психологическими теориями в Италии в послевоенный период оказались павловская версия психологической теории и научное наследие Выготского, получившие свое распространение в стране при поддержке местной компартии. Автор размышляет о теоретическом и идеологическом конфликте, в который вступали эти две непохожие традиции в психологии в контексте итальянской науки и культуры послевоенного периода и иллюстрирует свой рассказ примерами из собственной биографии непосредственного участника исторических процессов того времени.

Ключевые слова: Л.С. Выготский, И.П. Павлов, транснациональная история, импорт научного знания, социальная история, итальянская коммунистическая партия.

Начиная с 50-х годов и до настоящего времени русская психология оказывала на психологию и психиатрию в Италии влияние большее, чем в какой-либо иной западной стране. В первые десятилетия после второй мировой войны, в 50-х и 60-х годах, решающую роль в распространении исследований, которые проводились в Советском Союзе, сыграли представители левых кругов итальянской культуры, прежде всего в институциональной и издательской (издательства и журналы) сферах, зависимых от итальянской коммунистической партии. Это был «институциональный» канал, по которому в Италию проникали не только труды классиков марксизма-ленинизма и официальные политические публикации Советского Союза, но также и результаты советской науки.

В некоторых областях науки, например, в математике, физике и химии, не возникло никаких особых идеологических, философских, политических или социальных проблем. В сфере естественных наук новое открытие или новый научный результат не оказывал прямого воздействия общего характера на среду итальянских коммунистов-интеллектуалов или левых и воспринимался как очередное доказательство научного прогресса в Советском Союзе. Не следует, однако, забывать, что в отношении теории Лысенко в биологии, генетике, сельском хозяйстве и животноводстве возникла горячая дискуссия. Когда в Италии стало известно, что

---

¹ Русский перевод оригинальной итальянской статьи: Luciano Mecacci La psicologia russa e le scienze psicologiche e psichiatriche in Italia nella seconda metà del Novecento. *Toronto Slavic Quarterly*, No 17- Summer 2006. Перевод выполнен под редакцией автора статьи. Итальянскую версию текста см. по адресу: <http://www.utoronto.ca/tsq/17/mecacci17.shtml>

летом 1948 года в Москве состоялось пленарное заседание Академии сельскохозяйственных наук, на котором теория Лысенко о наследовании приобретенных признаков была признана официальной точкой зрения, что шло совершенно в разрез с результатами биологии и генетики того времени и имело серьезные последствия для развития сельского хозяйства и животноводства в СССР, различные ученые даже в итальянской коммунистической партии (РСИ) выступили с открытой критикой данной позиции, но были обвинены в том, что занимают буржуазную и антикоммунистическую позицию (некоторым ученым даже пришлось выйти из партии). Речь шла о дискуссии научного характера, которая не оказала непосредственного влияния на итальянское общество [1].

Иная ситуация сложилась в психологии и психиатрии. Действительно, в социальном и политическом плане гораздо более важным было бы принятие и практическое применение теорий советской психологии и психиатрии. В 1950 году опять же в Москве состоялась еще одна конференция, организованная Академией наук, на этот раз посвященная теории физиолога Павлова. Было объявлено, что данная теория является единственной официальной концепцией Советского Союза в области исследования мозга и психических – нормальных и патологических – процессов. Опустим последствия так называемого «павловинизма» для советских исследований мозга. Хотя Павлов внес большой вклад в изучение деятельности мозга, догматизация положений его теории сразу стала препятствием для развития исследований в данном направлении: русские лаборатории, которые в конце девятнадцатого и начале двадцатого века были ведущими в этой области на международном уровне, ощутили спад, во многих случаях необратимый.[2]

В Италии теории Павлова распространялись через журналы, близкие к коммунистической партии, которые частично или полностью ею же и финансировались: многочисленные статьи авторов-«павловцев» и всевозможные психологические дискуссии появились в журналах «Общество» (*Società*), «Возрождение» (*Rinascita*) и «Советская медицина» (*Medicina Sovietica*). В 1963 году была издана книга Анджелы Массукко Косты (Angela Massuco Costa), посвященная советской психологии, что некоторым образом ознаменовало завершение первого этапа истории, которую мы освещаем. Массукко Коста, помимо того, что преподавала психологию в университете, являлась депутатом от итальянской коммунистической партии. Италия тогда переживала «экономическое чудо», первый серьезный экономический подъем страны после трагедии войны, в общественной жизни происходили глубокие изменения, которые вызывали новые проблемы в области социальных услуг, здравоохранения и образования.

В начале 60-х годов итальянская культура с помощью литературы и кино начинает отражать новые условия жизни страны и трудности новой повседневности, «болезни души» – по вошедшему в обиход выражению писателя Чезаре Павезе, – которые проявлялись в новом итальянском обществе, теперь живущем в достатке, но в то же время испытывающем тревогу и недовольство. В 1960 году выходит в свет «Скука» (*La noia*) Моравиа (Moravia), в 1963 году Гада (Gadda) переиздает «Познание боли» (*La cognizione del dolore*), в 1964 году Берто (Berto) публикует «Темное зло» (*Il male oscuro*). В этих произведениях представлена психология мужчины и женщины, очень далекая от той, популяризацией которой занимались итальянские коммунисты-«павловцы», для которых условные рефлексy должны были бы объяснить не только элементарные процессы обучения (на примере собаки, у которой еще до принятия пищи при звуке колокольчика начинала выделяться слюна), но также возникновение неврозов, депрессии и шизофрении. Эти романы пронизаны другими теориями, другими представлениями о человеке, восходящими к европейской традиции, в первую очередь, к психоанализу. Кроме того, следует помнить, что психоанализ в своей более или менее ортодоксальной форме являлся неотъемлемой чертой итальянского кинематографа того времени, как прослеживается в фильмах «Приключение» (*L'avventura*) (1960) Антониони (Antonioni) и «Восемь с половиной» (*Otto e mezzo*) (1963) Феллини (Fellini). Ослабление

итальянского «павловизма» было вызвано не столько некоторыми техническими дискуссиями об отношениях психологии и марксизма и о том, какой тип психологической теории в большей или меньшей степени соответствует марксистским принципам (теория Павлова? психоанализ?), сколько тем более сложным культурным и социальным контекстом Италии, для которого павловский подход оказался слишком упрощенным, чтобы не сказать банальным.[3]

В конце 60-х годов наступает второй этап распространения русской психологии в Италии. Следует вспомнить общую картину политической и социальной жизни того времени в Италии: это были годы протеста и упорной борьбы рабочих и профсоюзов, но в то же время годы, когда итальянские левые приступили к новым серьезным социальным реформам, среди которых наиболее интересной для нас является Закон 118 от 1970 года². В соответствии с этим законом в итальянской школе были упразднены специальные классы для детей с отставанием в развитии, связанным с их физической и/или умственной неполноценностью, и предписывалось включение детей-инвалидов в обычные классы. Эти нововведения в итальянской школе произошли под сильным влиянием распространявшейся в те годы в Италии русской психологии, которая в течение 70-х годов стала своего рода системой отсчета при проведении психологических и педагогических исследований. В 1966 году была переведена, хотя и в весьма неполном виде (об этом речь пойдет позже), работа, считающаяся самой важной в русской психологии XX века: «Мышление и речь» Л.С. Выготского 1934 года. Затем в 1969 году была издана антология «Психология и педагогика» под редакцией Марко Чеккини, в которую вошли работы Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурии и многих других авторов историко-культурной школы. Эти две книги оказали огромное влияние на итальянских психологов и педагогов, стали настольной книгой для всех. Идеи Л.С. Выготского, очень критичные по отношению к швейцарскому психологу Жану Пиаже, на которого в течение десятилетий главным образом ссылались в Италии, начали признаваться итальянскими левыми за их интерес к историческим и социальным факторам, за постоянный призыв к интеграции детей-инвалидов и социализации детей-изгоев [4].

Несмотря на распространение работ новых русских авторов, в среде итальянских психологов, близких к коммунистической партии или бывших ее членами, продолжался своего рода теоретический и идеологический конфликт. Создавалось впечатление, что теория Л.С. Выготского не в полной мере соответствует принципам марксизма-ленинизма, а тем более – концепции Павлова. Существовала потребность историко-теоретического объяснения, которую не могли удовлетворить работы западных авторов, в т.ч. Массукко Косты, у которых самое большое было возможность совершить кратковременную поездку в Советский Союз и которые опирались больше на письменные источники – книги и статьи, чем на непосредственный опыт в русских лабораториях и институтах психологии. Последние тридцать лет я посвятил исторической реконструкции русской психологии именно из-за неудовлетворенности, которую испытал, когда обнаружил, что представления, широко распространенные на Западе, и то, что я почерпнул из «официальных» книг и журналов, не соответствовало историческому развитию и сложившемуся на данный момент положению дел.

Я испытал большое удивление, когда в 1972 году отправился в первый раз на несколько месяцев работать в Москву в Институт психологии, основанный в 1912 году, в то время находящийся еще на улице Маркса, нынче улица Моховая, к которому затем присоединился новый большой институт Академии наук, где я работал во время своих последующих

² По всей видимости, автор имеет в виду закон от 30 марта 1971 года (*Legge 30 marzo 1971, n. 118: "Conversione in legge del D.L. 30 gennaio 1971, n. 5 e nuove norme in favore dei mutilati ed invalidi civili"*); см., напр., <http://sportellodpd.uniroma1.it/index.php?application=ProPages&func=viewpage&pageid=72> или <http://www.handylex.org/stato/1300371.shtml>

посещений Москвы. Для своей работы я выбрал лабораторию психофизиологии, в которой в обновленном виде применялась павловская концепция. Это была лаборатория, хорошо известная в Европе и Соединенных Штатах, поскольку результаты исследований, проводимых там под руководством В.Д. Небылицына, были опубликованы на английском языке и вследствие своей оригинальности имели определенный резонанс. Однако вокруг лаборатории, и, возможно, даже внутри нее все старые и молодые психологи были «антипавловцами». Наибольший интерес представляли теории Л.С. Выготского и его учеников, начиная с Леонтьева и Лурии. Хотя работы Леонтьева и Лурии издавались регулярно (при этом не следует забывать, что Лурии было разрешено опубликовать работу 1932 года только в 1974 году, а работа на английском языке 1932 года появилась в России только в 2002 году [5]), распространение же произведений Л.С. Выготского было ограничено, хотя и в неявной форме, вследствие постановления ЦК КПСС от 1936 года. Единственным исключением стали два сборника сокращенных или подвергнутых цензуре текстов, в том числе «Мышление и речь», которые вышли в свет в 1956 и 1960 годах. Тем не менее, Выготский являлся главной темой обсуждений, что было вызвано выпуском его неопубликованных статей в самиздате. Подумать только, что Выготского начали издавать только в 1982 году, когда оба вышеназванные сборники стало уже невозможно найти!

Поэтому я взялся за задачу реконструкции и документального подтверждения истории русской психологии. Главным наставником был мой учитель Александр Р. Лурия, хотя он зачастую предпочитал не касаться некоторых проблемных моментов этой истории. Большую помощь мне оказал также Джузеппе Гарритано (Giuseppe Garritano), который в то время был директором (direttore editoriale) издательства Коммунистической партии Италии «Объединенные издатели» (*gli Editori Riuniti*). Гарритано, который ценил общепринятые особенности русской культуры (в частности, он перевел книгу Бахтина о Достоевском), дал мне в моих исследованиях зеленый свет. Я начал с того, что опубликовал две антологии русских психологов: первую – «Бессознательное в советской психологии» (*L'inconscio nella psicologia sovietica*) – в 1972 году и вторую – «Советская психология 1917-1936 гг.» (*La psicologia sovietica 1917-1936*) – в 1974 году. Затем в 1977 году я опубликовал свою монографию «Мозг и история» (*Cervello e storia*), рассматривающую отношения между психологией и нейрофизиологией в Советском Союзе, предисловие к которой написал сам Лурия и которая была издана на английском языке в США в 1979 году. Кроме того, я редактировал перевод многих других текстов Выготского, Лурии и прочих русских психологов.[6]

Из этой работы вырисовался новый исторический контекст: с одной стороны, разнообразие и богатство теоретических и методологических направлений, с другой, – интересное сплетение психологии как теории и психологии, применяемой в конкретных социальных и политических условиях Советского Союза 20-х и 30-х годов. Это дало возможность лучше объяснить причины, по которым в 1936 году появилось уже упоминавшееся постановление ЦК, наложившее запрет на определенные психологические и педагогические школы.

Тем временем в Италии возрос интерес к русской психологии, ею стали активно заниматься, появились новые переводы. Особую роль в изложении и распространении идей школы Выготского и Леонтьева сыграла Мария Серена Веджетти (Maria Serena Veggetti), преподававшая в Римском университете, которая уже перевела в 1966 году часть работы «Мышление и речь» [7]. Важным моментом этого периода явилась конференция, посвященная Выготскому, которую я организовал в 1979 году в Риме. Позволю себе напомнить, что это была первая конференция, за которой последовали другие в Москве, США, Мексике и т.д., посвященные этому психологу, на которого, начиная с 80-х годов, стали постоянно ссылаться во время дискуссий по проблемам психологии.

Это был период, когда западные ученые были информированы лучше, во всяком случае,

такое впечатление складывалось по публикациям и публичным дискуссиям, по сравнению с русскими коллегами. Помню, как в 1988 году в Будапеште во время одного конгресса, посвященного истории психологии³, т.е. в относительно недавнем прошлом, был организован симпозиум по Выготскому, в котором участвовала небольшая русская делегация. Сообщения русских коллег были корректными и интересными, однако основывались на ограниченных текстах и документах. Выготский снова был представлен как безобидный теоретик психологии, при этом не упоминалось, что он занимал управленческие должности среднего звена и что собственно из-за практического применения психологии он был подвергнут цензуре и некоторым ограничениям на использование его работ. Родилась оживленная, хотя и дружеская, дискуссия, когда было отмечено, что в трудах Л.С. Выготского, таких, как «Фашизм в психоневрологии» (*Il fascismo in psiconeurologia*) присутствует сильный идеологический и политический подтекст. Русские коллеги по неведению утверждали, что Выготский никогда не писал такой работы. Не имея с собой этой книги, я не смог убедить их.

Данная ситуация в корне изменилась в 90-х годах. В рамках русской историографии вышли в свет очень ценные работы такого уровня подтверждения документами, который был недостижим для западных ученых. Помимо книг и статей, читателям стали доступны неопубликованные документы и личные свидетельства. Так, для понимания Выготского основной стала монография его дочери Гиты в соавторстве с Тamarой Лифановой, в то время как переломный момент в истории русского психоанализа наступил с выходом в свет книги Эткинды «Эрос невозможного» (*Eros dell'impossibile*), кроме того, еще одной очень интересной книгой является монография историка науки Ирины Сироткиной о взаимосвязях между психиатрией и русской литературой с 1880 по 1930 годы [8].

Тем не менее, у историка, будь он русским или западным, остается все еще много работы, особенно в части отношений между психологией, психиатрией и русским обществом XX века. Сначала это может быть работа, ограниченная только текстами – новое их прочтение, принимающее во внимание исторические источники, вмешательство цензуры и т.д. Позволю себе привести лишь один пример того, как я работал над «Мышлением и речью» Выготского, редактируя ее итальянский перевод 1990 года [9]. Эта книга, изданная в Москве в 1934 году, всего несколько месяцев спустя после смерти Л. С. Выготского, и вошедшая в число работ, не одобрявшихся после постановления 1936 года сталинской системой, была переиздана в 1956 году и затем еще раз в 1982 году. Сопоставив эти три издания, я обнаружил, что в 1956 году текст первого издания 1934 года подвергся жесткой цензуре, которая состояла в значительных его сокращениях и, более того, – в многократных изменениях слов, наречий и т.д. Однако позже, в 1982 году, произошло еще одно серьезное вмешательство цензуры и снова был модифицирован уже измененный ранее текст 1956 года. Обращая внимание на тип изменений, внесенных в текст в 1956 и 1982 годах, можно определить, какие идеологические и политические проблемы они отражают в контексте изменений социальной и политической реальности Советского Союза в 50-е и 80-е годы.

В заключение я хотел бы упомянуть две очень сложные, но очень интересные для истории русской психологии темы. Первая касается проблемы детей-беспризорников в 20-е и 30-е годы, по которой есть недавние исследования итальянских ученых [10], и вторая – проблемы национальности и относительных культурных различий (со связанными с ними темами социальной интеграции, школьного образования и т.д.) всё в тот же период времени [11]. Речь идет о проблемах (брошенные дети и межкультурные отношения) важных и актуальных, как для русских, так и для итальянских психологов.

И, наконец, последняя тема – проблема психиатрии: ее история, ее роль в общественной и политической жизни России. Когда в 50-е годы теория Павлова стала распространяться в Италии в качестве модели для заимствования не только в области исследования мозга и в

³ Seventh European CHEIRON Conference, Budapest, Hungary, 4-8 September 1988.

психологии, но также и в психиатрии (Павлов, как известно, предложил также теорию психопатологических процессов, включая неврозы и психозы), итальянские психиатры и психотерапевты отнеслись к этому весьма настороженно. Влияние немецкой классической психиатрии, особенно современных феноменологического и экзистенциального течений, начало которым положили Ясперс (Jaspers) и Бинсвангер (Binswanger), а также психоанализа, на итальянских психиатров и психотерапевтов было очень сильным, что затрудняло их переход к физиологическому редукционизму (упрощенчеству) Павлова. Когда поднялась волна критики в адрес традиционной психиатрии (основанной на биолого-фармакологическом подходе, и использования принудительной терапии с помощью седативных препаратов), пик которой пришелся на 1978 год с введением Закона 180 о реформе психиатрии (самым ощутимым ударом явилось закрытие психиатрических больниц)⁴, был сделан следующий шаг в сторону от официальной позиции «павловинизма». Следует признать, однако, что не наблюдалось никаких посягательств на официальную позицию в итальянской компартии и в целом в среде итальянской интеллигенции левого толка.

В 1978 году Институт Грамши (*Istituto Gramsci*), учреждение, занимавшееся проблемами культуры в итальянской коммунистической партии, организовал масштабную конференцию «Периоды и проблемы истории СССР» (*Momenti e problemi della storia dell'URSS*), в работе которой приняло участие много политиков и интеллектуалов, коммунистов и беспартийных. Проф. Витторио Страда (Vittorio Strada) представил доклад на тему «Политика и культура в СССР» (*Politica e cultura nell'URSS*). Я выступил с докладом на тему «Новый советский человек» (*L'uomo nuovo sovietico*), показав со всей очевидностью, что за понятием пропаганды кроются не только очевидные утопические функции, но и способ легитимации психиатрических репрессий тех людей, которые отклоняются от этой модели. Упоминание об этой проблеме, приглашение к ее обсуждению тогда не нашли отклика, и, вероятно, не только потому, что исходило от очень молодого докладчика. Однако нас интересует не столько замалчивание итальянскими политиками того факта, что в Советском Союзе психиатрия использовалась как средство подавления политического инакомыслия (как бы там ни было, в Италии, как исключение, проходили иногда разоблачения и протесты), сколько молчание итальянских психологов и психиатров, в отличие от того, что происходило в среде их коллег из других европейских стран. Это мог бы быть просто дискурс технического и научного характера: можно было отметить, что в то время как в нашей стране твердят о тщетности психиатрического лечения и поэтому выпускают пациентов из психиатрических больниц, в одной из стран, считающихся передовыми в социальном и научном плане, наоборот, расширяются, так сказать, терапевтические функции подобных мест маргинализации (*emarginazione*). Тем не менее, в Италии научное сообщество никогда не проявляло такого рода коллегиальной инициативы подобно тому, как это происходило в других странах [12].

Таким образом, для итальянской психологии и психиатрии теории, разработанные в России и Советском Союзе, не являются моделью, которая должна быть принята лишь на основе признания ее оригинальности и научной убедительности. Если рассмотреть также, каким образом эти русские теории распространились в Италии, можно лучше понять аналогичное развитие итальянских исследований в данной области, т.е. насколько сильно они обуславливались соображениями идеологического и политического порядка.

⁴ Так называемый Закон Базальи (*Legge Basaglia, Legge 180*) от 13 мая 1978 года; см., напр.: http://ru.wikipedia.org/wiki/Закон_Базальи, http://ru.wikipedia.org/wiki/Психиатрическая_реформа_в_Италии, http://ru.wikipedia.org/wiki/Базалья,_Франко и http://ru.wikipedia.org/wiki/Демократичная_психиатрия

Литература:

1. О внутривнутрипартийных дебатах в Итальянской компартии по так называемому делу Лысенко (questione Lysenko), см. N. Ajello, *Intellettuale e PCI 1944-1958* [Интеллектуалы и ИКП в 1944-1958], Laterza, Roma-Bari 1972.
2. О павловизации и ее последствиях для советских психологических исследований см. L. Mecacci, *Cervello e storia. Ricerche sovietiche di neurofisiologia e psicologia*, Editori Riuniti, Roma 1977 (English transl., *Brain and History. The Relationship between Neurophysiology and Psychology in Soviet Research*, Brunner/Mazel, New York 1979). Книга содержит предисловие, написанное А.Р. Лурией. О Лурии, который был моим учителем в Советском Союзе см. мою статью: *Luria: A unitary views of human brain and mind*, in *Cortex*, 2005, 41, 816-822.
3. Об павловизации и о психологии в Италии в 1950-е и 1960-е, см. L. Mecacci, *Psicologia e psicoanalisi nella cultura italiana del Novecento* [Psychology and psychoanalysis in Italian culture in the XX century], Laterza, Roma-Bari 1998.
4. L.S. Vygotski, *Pensiero e linguaggio* [Thinking and speech], edited by A. Massucco Costa, Giunti, Firenze 1966; L. S. Vygotskij, A. R. Lurija, A. N. Leontjev, *Psicologia e pedagogia* [Psychology and pedagogy] edited by M. Cecchini, Editori Riuniti, Roma 1969.
5. R. Lurija, *The Nature of Human Conflicts*, Liveright, New York 1932 (Первое русское издание: *Природа человеческих конфликтов*, Москва: Когито-Центр, 2002).
6. *L'inconscio nella psicologia sovietica* [Бессознательное в советской психологии], Editori Riuniti, Roma 1972; *La psicologia sovietica 1917-1936* [Советская психология, 1917-1936], Editori Riuniti, Roma 1974; *Cervello e storia*, see note 2. Кроме того, я инициировал и редактировал в издательстве Editori Riuniti перевод нескольких других книг (таких авторов как Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, А.А. Леонтьев, и т.д., включая замечательную книгу Ю. Гагарина и В. Лебедева о психологии в космическом пространстве).
7. Вклад M. S. Veggetti в распространение русской психологии в Италии описан в ее последней книге *Psicologia storico-culturale e attività* [Историко-культурная психология и деятельность], Carocci, Roma 2006.
8. А.М. Эткинд. *Эрос невозможного*, М.: Гнозис, 1994 (книга переведена на английский, французский и немецкий); Г.Л. Выгодская и Т.М. Лифанова. Лев Семенович Выготский. М.: Академия, 1996; I. Sirotkina, *Diagnosing literary genius. A cultural history of psychiatry in Russia, 1880-1930*, The Johns Hopkins University Press 2002.
9. L. S. Vygotsky, *Pensiero e linguaggio* [Мышление и речь], Laterza, Roma-Bari 1990. Сравнение между тремя изданиями книги было проведено и опубликовано в работе L. Mecacci and A. Yasnitsky, *Editorial changes in the three Russian editions of Vygotsky's Thinking and Speech (1935, 1956, 1982). Towards authoritative and ultimate English translation of the book*, in *PsyAnima, Dubna Psychological Journal*, 2011, 4 (4), 159-187.
10. D. Caroli, *L'enfance abandonnee et delinquante dans la Russie sovietique*, L'Harmattan, Paris 2004; *Autobiografie di bambini e giovani abbandonati in URSS (1927-1936)* [Автобиографии брошенных детей и подростков в СССР (1927-1936)], in *Slavia*, 2000, 9 (3), pp. 146-182 и *Ideali, ideologie e modelli formativi. Il movimento dei pionieri in URSS (1922-1939)* [Идеалы, идеологии и образовательные модели. Пионерское движение в СССР (1922-1939)], Bologna, Unicopli 2006.
11. О влиянии выготскианских теорий на текущие дискуссии о культурной психологии см. L. Mecacci, *Psicologia moderna e postmoderna* [Психология модерна и постмодерна], Laterza, Roma-Bari 1999 и *La cornice storico-metodologica della psicologia culturale* [Историко-методологические рамки культурной психологии], in *Ricerche di psicologia*, 2004, 27 (3), pp. 47-56.

---

12. L. Mecacci, *L'uomo nuovo sovietico* [Новый советский человек], in *Momenti e problemi della storia dell'URSS* [Моменты и проблемы в истории СССР], edited by S. Bertolissi, Editori Riuniti, Roma 1978, pp. 249-257. О павловской психиатрии в Италии см. *Psicologia e psicoanalisi* (см. сноску 3). Анализ психиатрии и ее политического фона в России был дан в моей работе *Psicologi, psichiatri e scrittori durante lo stalinismo* [Психологи, психиатры и писатели в годы сталинизма], in *Figure della follia* [Фигуры безумия], edited by M. Bresciani Califano, Olschki, Firenze 2005, pp. 131-143.

Поступила в редакцию: 09.07.2012 г.

Сведения об авторе

Л. Мекаччи (L. Mecacci) – профессор и проректор Флорентийского университета (Università degli Studi di Firenze), президент Академии изящных искусств (Presidente della Accademia di Belle Arti di Firenze) (*в отставке*), Флоренция, Италия.
E-mail: luciano.mecacci@yahoo.it